

National Cadres: Issues of Equal Representation in State Bodies and Institutions of Turkestan

НАЦИОНАЛЬНЫЕ КАДРЫ: ВОПРОСЫ РАВНОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНАХ И УЧРЕЖДЕНИЯХ ТУРКЕСТАНА

Bahtiyor Mirzadjanov

Namangan, Uzbekistan

Abstract: The article discusses the present frames of the indigenous population in the control system of Turkestan, manifested in the initial period in the form of policy neglect of indigenous personnel and their representation in governance structures, which were characteristic of this period that for the first time highlighted by the author in three stages.

Keywords: Cadres, Soviet authority, Turkestan, Indigenous population, Korenization, Management.

Резюме: В статье рассматривается вопрос представления кадров из коренного населения в системе управления Туркестана,

проявлявшаяся в начальный период в виде политики пренебрежительного отношения к коренным кадрам и их представлению в структурах управления, явившейся характерной чертой данного периода, что впервые выделено автором статьи на три этапа.

Ключевые слова: кадры, советская власть, Туркестан, коренное население, коренизация, управление.

В истории кадровой политики советской власти в Туркестане и особенно в вопросах привлечения кадров из коренного населения немало нераскрытых событий и однобоких подходов. В процессе исследования и обработки имеющихся материалов, для более ясного представления процесса формирования кадровой политики советской власти в Туркестане и вопросов привлечения кадров из коренного населения в систему управления, изучаемый период нами условно был разделен на три этапа: 1. 1917 – 1919 гг.; 2. 1919 – 1922 гг.; 3. 1923 – 1924 гг.

В первый этап, можно хронологически включить 1917-1919 годы, то есть начальный этап становления новой власти и организации органов и структур управления, который в основном характеризуется пренебрежительным отношением к коренным кадрам и игнорированием их роли в структурах и эшелонах власти.

Но начиная с середины 1919 года в кадровой политике в Туркестане обретают ясные формы учетные и контрольные органы кадров [AAP RUz., f.60, op.1,d.310,p.p.1-5.], а также актуализируются вопросы равного – пропорционального представления в органах власти представителей коренных народов края, что можно считать началом условного, второго периода, характеризующегося в кадровой сфере началом подготовки «политики уплотнения государственных учреждений коренным

населением»[Fergana regional state archive (FRSA) f.121, op.2, d.20, p.p.1-3об.; d.147, p.p. 5-8.; d.156, p.p.1-8.] и государственного аппарата.

С 1923 года происходит переход к третьему - условному этапу, который характеризуется формированием номенклатурной системы отбора кадров, проведением «политики коренизации» [FRSA, f.121, op.2, d.280, p.p.6-38.; d.526, p.p.4-27.; d.533, p.p.49-178.] а также в связи с проведением национально-государственного размежевания, переводом делопроизводства на узбекский язык [FRSA, f.121, op.2, d.531, p.p.14-33.], и созданием Узбекской ССР переоформляется в дальнейшем в «узбекизацию» государственных учреждений[См.: FRSA, f.121, op.2, d.528, p.p. 38-52.; d.529, p.p.1-8.].

Характеризуя положение в Туркестане после февральской революции 1917 года, Х.Адиб подметил, что хотя «туркестанцы и начали превращаться в граждан», но они не возымели ожидаемого результата и не оправдали надежды и чаяния коренных народов [Khalid Adeeb, 2007, - P.141.]. Так на Первом этапе – периоде открытого игнорирования коренных кадров, была выдвинута идея создания органа высшей исполнительной власти - Совета народных комиссаров (СНК), формировавшегося из коалиции большевиков и левых эсеров и о вхождении кадров из коренного населения в которые не было и речи. Вместе с тем созданный этой коалицией Совет народных комиссаров Туркестанского края по существу остался инородным образованием в регионе, выступая в роли «агентов Центральной советской власти» [Koshanov B.A., 1994, - P.28.], в первоначальном составе которого, не были представлены представители коренных народов Туркестана. Председателем СНК был избран большевик Ф.Колесов[National archives of Uzbekistan (NAUz), f.P-25, op.1, d.6, p.1.].

Так, при формировании СНК было решено в открытую не допускать представителей коренных народов с тем предлогом, что

среди коренного населения «нет пролетарских классовых организаций»¹[Khalid Adeeb, 1966, -P.292.]. В итоге в состав СНК вошли 15 комиссаров[NAUz, f.R-25, op.1, d.6, p.1.] (по профессии: четверо были рабочими, двое – учителями, 2 – врачами, 2 – военными, 1 – нотариус, 1 – секретарь, 1 – чертежник, 1 – табельщик, 1 – железнодорожный техник[Голованов А., – Р.84.]), в числе которых, не было ни одного представителя коренных народов. По мнению советских историографов, главной особенностью было то, что в силу социально-экономической и «культурной отсталости народов» республик региона [Secrets of national policy of the Central Committee of the RCP., 1992, - P.33.], здесь как бы не было подготовленных руководящих кадров. А имеющиеся в то время немногочисленные местные кадры были ещё недостаточно опытными, «политически неразвитыми», не были знакомы с методами политической и организаторской работы. В этом, проявлялась явная великодержавная сущность шовинизма большевистской кадровой политики, встречающаяся повсеместно на территории Туркестана. В итоге Ташкентские советы стали исключительно представительством русских и европейских меньшинств Туркестана[Karasar A.H., 2002, - P.100.].

К примеру, в письме от 3 августа 1917 года[FRSA, f.121, op.1, d.14, p.63.], Федченского (Кувинского) совета рабочих депутатов Скобелевскому уездному совету, указывалось о том, что Федченский Совет рабочих депутатов, обсудив вопрос в связи с выставленной кандидатуры «туземного населения на пост Кувинского Комиссара сарта» (фамилия которого им даже не была известна – в источнике также не упоминается – М.Б.), был против утверждения выдвигаемой кандидатуры «туземного» населения. И для не допущения выше указанного кадра из коренного населения утверждается, что «в интересах общественного спокойствия и благополучия и правильной постановки административного дела и

справедливого отношения, к русскому населению» совет просил утвердить кандидата выставленного только ими, на пост Кувинского участкового комиссара, то есть подполковника А.Н. Уфимцева, место жительства которого находилось в городе Скобелеве[FRSA, f.121, op.1, d.14, p.63.].

Схожее явление можно было наблюдать и в Наманганском уезде. В целях противодействия попаданию, так называемых «нежелательных элементов» к власти Наманганский ревком пишет, что «благодаря мало подготовленности населения к новой форме правления, в волостные советы иногда проходят, нежелательные элементы. В силу этого придется кое-где произведенные выборы отменить, произвести перевыборы»[NAUz, f.R-25, op.1, d.254, p.157back].

На съезде городских самоуправлений Туркестанского края проходившего с 12 по 14 ноября 1917 года участвовало от Сырдарьинской области – 16, Ферганской области – 15, Самаркандской области – 14, города Ташкента – 10, от Закаспийской области и Новой Бухары – по 5 делегатов. От мусульманских организаций на данном заседании участвовали 26 человек (С.Акаев, Махмудов, Мир Азимов, Т.Норбутабеков и др.), на котором представитель от Самарканда с горечью подчеркнул, что: «...количественное соотношение туземного и европейского населения ненормально в отношении представительства во власти, европейцы повсюду лучше представлены» [*History of Uzbekistan (1917-1991)*, 2019, – P.54.].

Но такая несправедливость не осталась в стороне без внимания просвещенной местной интеллигенции. Так в своём выступлении на III съезде Шерали Лапин, руководитель «Шурои Уламо» подчеркивал, что: «местная власть должна быть организована из представителей мусульман составлявшая 95% населения края с обеспечением права русского меньшинства,

сообразно его культурного значения. Власть не может принадлежать только военным, рабочим и крестьянам»[*Abdullayev R.*, 2014, - P.158.].

Ответом же на не представление в органах управления представителей коренного населения Туркестана, стал созыв IV Чрезвычайного Краевого мусульманского съезда проходившего с 26 по 29 ноября 1917 года в Коканде, который, выражая волю народностей Туркестана к самоопределению и самоуправлению, объявил «Туркестан территориально автономным в единении с Федеративной Российской республикой» и для установления норм автономии Туркестана объявил о создании Учредительного собрания, которое, предложил созвать в кратчайший срок [*The policy of the despotic regime.*, 2000, –P.50-51.]. Национальная интеллигенция, в лице Мустафо Чокаева, Убайдулла Ходжаева, Мунаввар Кори Абдурашидханова, Махмудхужа Бехбуди, Шоислама Шоахмадова, Носирхон Тура, Хидоятбек Юргули Акаева и других начали подготовительную работу по созыву Учредительного собрания. Результатом стало выбор Народного Собрания (по сути интернационального по составу – Б.М.), состоявшая из 36 представителей коренного населения и 18 не коренного, возглавляемая Шерали Лапиным. 11 декабря был создан кабинет из 10 членов, объявивший Туркестан автономной территорией в составе России [Allworth E., 2016, –P.192.].

В ответ на это, на IV краевом съезде Советов Туркестана (19 - 26 января 1918 года), принимается постановление "объявить вне закона Автономное правительство и арестовать главарей". Сам факт провозглашения автономии Туркестана был квалифицирован как "попытка контрреволюционных элементов найти опору в среде мусульманской буржуазии и темной массы мусульманства". Не имея армии, Туркестанская Автономия не сумела противостоять превосходившим силам большевиков, и после 72-дневного своего

существования 13 февраля 1918 года была разгромлена, «город Коканд разгромлен, сожжен и разграблен»[ААР RUz.: f.499, op.1, d.363, p.1.]. На самом деле разгром этот представлял собой самую настоящую резню мирного населения, и по выражению О.Оликера, уместнее было использовать термин «погром, сопровождаемое грабежом и насилием»[Oliker O., 2008, - P.3.], и как уже нам известно, судьба «Туркестанской Автономии» закончилась весьма трагически[more inform: *Agzamkhodjaev S.*, 2006, -268 p.].

Исходя из данного опыта, большевики поняли, что национальное сознание и стремление образовать национальное государство народов Туркестана являются таким же препятствием, как и сопротивление уже свергнутых противников большевизма. Национальный идеал - национальное суверенное государство - мешал осуществлению их тактики «классовой борьбы внутри наций», имевший впоследствии своё отражение и в формировании их кадровой политики в Туркестане. Поняв ошибки своей национальной и кадровой политики в виде полного недопущения коренного населения в высшие руководящие органы края (не считая низшие звенья местных властей) начали ослаблять эту политику в виде распределения по существу своём кадровых квот в органы власти. При этом следует отметить некоторые особенности создания органов советской власти и привлечения в них кадров из представителей коренного населения Туркестана, конечно же, не без участия и давления Центра [Khalid A., 1966, - P.295.].

Исходя из сложившихся традиций, на примере Туркестана создавались национальные Советы или их национальные секции (например, киргизские (казахские) Советы, туркменские советы и т.д.), в большинство из которых, первоначально входили представители коренного населения независимо от их социального положения, в том числе и представители национальной буржуазии, но только лишь с условием признания ими Советской власти и

заявлении о готовности сотрудничать с ней [Karasar A.H., 2002, - P.120.]. А в некоторых частях Туркестана кишлачные и аульные Советы создавались даже не по территориальному признаку, а на родоплеменной или этнической основе.

Но даже такое положение дел для некоторых представителей власти оставался неприемлемым, так в результате инспекции Наманганского уезда «замечаются трения между русскими и туземными коммунистами» а также, «выявляются стремления к власти со стороны мусработников», что конечно же отрицательно воспринималось большевиками Туркестана [AAR RUz., f.2, op.1, d.49, p.p.11, 16.].

И советская историография доказывала, что уже с V Краевого съезда Советов (20 апреля – 1 мая 1918 года) якобы было положено началу вовлечения представителей коренных народов в работу органов Советской власти и этот же, V Краевой съезд Советов Туркестана 30 апреля 1918 года провозгласил образование в составе РСФСР Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики [Ermetov A.A., 2009, – P.324.].

Здесь же в качестве, высшей законодательной власти был избран новый ЦИК Туркестана в составе 36 человек, где впервые 4 были представителями коренных народов: С.Журабаев, С.Юсупов, Ш.Остонбоев – из большевиков и С.А.Азимбоевы – левый эсер [Davlatova Sh., 2016, -P19], а в составе СНК из 15 комиссаров также впервые 2 места было выделено представителям коренных народов: С.Турсунходжаев - становится Комиссаром народного здравоохранения и С.Ашурхужаев - Комиссаром по национальным делам [Naydarov M., 1998, – P.46.].

И в подтверждение этому, в советской исторической литературе было принято считать, что именно с этого времени, из среды коренных народов выдвигается ряд активных представителей стремившихся хоть как то повлиять на положение местного народа,

в том числе: И.Хидиралиев, Т.Рыскулов, Н.Тюракулов, Х.Ибрагимов, К.Атабаев, Ф.Ходжаев, Н.Ходжаев, С.Джурабаев, С.Касымходжаев, О.Кулиев, И.Кобеков, Махмуд-Ходжаев, М.Сарымсаков, А.Рахимбаев, Д.Устабаев, Д.Закиров и другие[History of Communist Organizations in Central Asia, - P. 227.], некоторые из которых, являясь свидетелями происходящих событий и отношения власти к коренному населению оставили письменные сведения об этом в своих воспоминаниях[Nazir Torekulov. *Archiv materialls*, 2017].

Начиная с 1919 года актуализируются вопросы равного – пропорционального представления в органах власти представителей коренных народов края. Но особо важное место в деле привлечения к государственной работе представителей коренных национальностей имела радиограмма ЦК РКП (б) от 12 июля 1919 года ТуркЦИКу и крайкому РКП (б) Туркестана. В которой говорилось, что: «...в интересах политики рабоче-крестьянской власти на Востоке необходимо широкое пропорциональное привлечение туркестанского туземного населения к государственной деятельности, без обязательной принадлежности к партии, ... избегать всяческих трений создающих антагонизм.» [Ferghana Department of AAP RUz., f.1, op.1^a, d.83, p.4.].

Ещё одним интересным моментом кадровой политики советской власти в Туркестане, является создание национальных секций. В Туркестане официальное оформление национальных секций РКП(б) начинается после VIII съезда РКП(б), состоявшегося в марте 1919 года (хотя чуть ранее при ЦК РКП(б) в ноябре 1918 года было учреждено Центральное бюро мусульманских коммунистических организаций народов Востока – Б.М.). В дни работы VIII съезда РКП(б) работала и II конференция Компартии Туркестана, рассматривавшая организационное оформление национальных секций РКП(б). В этой связи на конференции с

докладом выступает Т.Р.Рыскулов¹ [Ustinov V.M, 1988, -P.7-8.], который и предложил создать специальное мусульманское бюро при Краевом комитете КП Туркестана для широкого привлечения представителей коренных народов во все сферы государственной деятельности. В итоге создаётся Мусульманское бюро коммунистической партии Туркестана (Мусбюро) - ставившее перед собой задачу защиты интересов коренных народов и усиления на неё влияния новой власти.

Одной из важнейших задач его стало «привлечение мусульманских работников к партийной и советской работе, объединение и распределение их по местам»[AAP RUz., ф.60, оп.1, д.59, р.24.]. Мусбюро и его органы на местах играли важную роль в формировании кадров из представителей коренного населения[Аугиева N.A, 1973, -P.10.]. В него вошли Т.Рыскулов (председатель), Ю.Алиев, Д.Мухитдинов, Н.Ходжаев и др. [Ziyatov Sh.S., Nurullin R.A., 1988, – P.33.]. На бюро возлагались организация и руководство партийной работой в национальной части и среди коренного населения. Были образованы национальные секции - тюркская, киргизская, татарская, азербайджанская, а также 4 отдела - дисциплинарно-просветительский, военный, редакционно-издательский и секретариат[AAP RUz., ф.60, оп.1, д.200, pp.2-11.].

Был создан специальный аппарат сотрудников для работы в Мусбюро. Были определены и задачи Мусбюро, включающие следующее:

- широкая пропаганда среди представителей коренного населения идей советской власти;
- организация Советов, агитаторских курсов, школ и инструктирование агитаторов;
- выпуск газет, брошюр и других печатных изданий на языках коренных национальностей;

- воздействие на лояльную часть старой интеллигенции и привлечение ее к работе в советском аппарате;
- развитие пропаганды в сопредельных восточных странах;
- организация воинских частей из представителей местных национальностей и ведение в них культурно-просветительной работы;
- развитие народного просвещения среди местного населения Туркестана, реформа школ и их освобождение от религиозных воззрений[Karimov R., 1974, -P.59-62.].

В резолюции Крайкома КПТ от 6 июля 1919 года были уточнены и функции Мусбюро. В административно-кадровом плане, оно имело своего председателя и секретаря, причем последний входил в секретариат Крайкома КПТ[AAP RUz., ф.60, оп.3, d.59, pp.24-25.].

На заседании Краевого Комитета КПТ от 7 июля 1919 года было утверждено «Положение о мусульманских национальных коммунистических секциях», состоявшее из 10 разделов. Вопрос укрепления влияния партии на Советы и борьба против всяких провокаций и агитаций антисоветского духа среди местной массы, а при надобности использование репрессивных мер через административную власть» выделялось в нем отдельным пунктом и также, отражалась и на кадровой политике[AAP RUz., ф.60, оп.3, d.159, p.73.].

Летом 1919 года мусульманские бюро начали создаваться при партийных комитетах уездных городов в виде их отделов. Например, к концу 1919 года в Токмакском уезде число членов - киргизов, узбеков и других национальностей выросло до 1154 человек, в Пишпекском уезде - почти до 4000. Ташкентская старгородская организация за пять месяцев выросла с 60 человек до 1140. Старгородская организация Самарканда насчитывала около 1000 представителей[Inoyatov X.Sh., 1984, – P.134.].

Особую роль в формировании Мусбюро играла Ферганская область. Здесь Мусбюро организационно состояло из семи представителей:

1. Р.Капкаев – представитель города Скобелева. 2. М.Сарымсаков – представитель города Ош. 3. И.Ахунов – представитель Скобелевского уезда. 4. Маджитов – представитель города Андижан. 5. Мухамеджанов – представитель станции Маргилан. 6. А.Макаев – представитель города Наманган. 7. Н.Тюракулов – представитель города Коканд. В Президиум Областного бюро входили: Р.Капкаев - председатель, И.Ахунов - тов.председателя и Н.Тюракулов - секретарь[Ferghana Department of AAP RUz., f.1, op.1^a, d.98, p.6.].

Для агитации и привлечения в советские органы мусульманского населения области они были мобилизованы 23 мая следующим образом: Макаев и Ахунов были направлены в Асака, Федченко и Кува, Мазитов и Бирюлов (дополнительно к списку – Б.М.) в Андижан, Коканд и Наманганские уезды, а город Скобелев был поручен Капкаеву для организации и чистки мусульманских коммунистических коллективов. Кроме того, было велено запросить все мусульманские коллективы области в срочном порядке представить в Ферганское областное Мусбюро сведения о численности кадров[Mirzadjanov B.T., 2010, – P.79-83.].

Хотя Мусбюро способствовало дальнейшему, более широкому привлечению коренного населения к активному участию в управлении государством, подготовке и выращиванию кадров из коренных народов, но в результате её активной деятельности и постоянной мобилизации кадров нередко были случаи того, что в самой организации, чувствовался острый кадровый недостаток, о чем говорит и прошение от Феробмусбюро от 30 августа 1919 года об оставлении её кадров на своих местах[Ferghana Department of AAP RUz., f.1, op.1^a, d.98, p.35.].

В деле подготовки кадров из коренного населения Мусбюро уделяло внимание вопросам печати и изданию литературы на языках коренных народов Туркестана. В Самарканде на узбекском языке издавалась газета «Меҳнаткашлар товуши» («Голос трудящихся»), в Фергане - «Янги Шарк» («Новый Восток»), в Намангане - «Эркинлик» («Воля»). Газеты на персидском языке издавались в Полторацке (Ашхабад) - «Садойи фуқаро» («Голос трудящихся») и Самарканде - «Шулаи Инқилаб» («Пламя революции») и т.д. [Karimov R., 1974, – P.62].

Но впоследствии Мусбюро и многие её члены были обвинены в национальном уклоне и подвергнуты различным гонениям и репрессиям, а «... советская политика была направлена на уничтожение сохраняющегося буржуазного национализма» [Kaziev S.Sh., 2015, – P.32].

Но даже после принятия различных мер положение в деле привлечения коренных народов в структуру управления оставался на низком уровне. Как известно, главным требованием для работы на ответственных постах была партийность претендента, и как видно из следующих материалов о составе структуры органов управления Туркестана и их национальной принадлежности на 1919 год, положение с привлечением коренных кадров оставалось очень низким, так:

- в управлении Путей сообщения из общего числа - 23 члена, представителей коренных народов - нет;

- в Президиуме совета профсоюзов из общего числа - 5 члена, представителей коренных народов – нет. Количество кадров из коренного населения в профсоюзе Самарканда также оставалось очень низким;

- в Комиссариате Почт и телеграфов из общего числа - 8 члена, представителей коренных народов – нет[NAUz, ф.36, оп.1, д.151, р.р.15-15об]²;

- в Продовольственной директории из общего числа - 9 члена, представителей коренных народов – нет;
- в Комиссариате народного просвещения из общего числа - 12 члена, представителей коренных народов было – 2 человек;
- в Комиссариате по национальным делам из общего числа - 12 члена, представителей коренных народов было – 6 человек;
- членов партии на должностях краевого уровня из общего числа - 6 члена, представителей коренных народов было – 2 человек;
- представителей штаба войск Республики из общего числа – 7 члена, представителей коренных народов – нет;
- из общего количества членов Краевого комитета РКП из общего числа - 15 члена, представителей коренных народов было – 4 человек [AAP RUz., ф.60, оп.1, d.316, р.р. 7, 9, 11, 13, 15, 17, 19, 25, 34.].

В народном комиссариате здравоохранения Туркестана, на протяжении всей её деятельности из 9 комиссаров только 3 являлись представителями коренного населения: С.Турсунходжаев – с апреля по октябрь 1918 года, Т.Рыскулов – с октября 1918 по декабрь 1918 года и С.Д.Асфендияров с перерывами с декабря 1919 по январь 1920, с июля 1920 по 1922 [Muminova G., 2015, – P.54-55], и с марта 1923 по апрель 1924 года [NAUz: f.17, оп.2, d.82, p.39.].

А штат сотрудников Туркестанского Экономического совета почти на 98% состоял из европейцев, и только 2% являлись выходцами из коренного населения, из которых Шергозиев – председатель, один – кучер и один - уборщик [Haydarov I., 2008, – P.31].

Даже к 1921 году в Народном комиссариате социального обеспечения (Наркомсобез) количество коренных кадров оставалось ничтожных (и то из технического персонала), но под давлением складывающейся действительности, и признавая отсутствие сотрудников из коренного населения комиссариату

приходится просить Народный комиссариат национальностей (Наркомнац) Туркестана «прислать из среды узбеков и киргизов» всего лишь четырех ответственных работников со знанием русского языка[NAUz, ф.36, оп.1, д.54, р.16.].

Как видно из вышеуказанных показателей положение кадрового состава из коренных народов региона было весьма плачевным. На примере Комиссариата Почт и телеграфов данное положение не изменилось в положительную сторону даже к 1922 году. Это даже стало поводом к рассмотрению данного дела в ЦК КПТ и передаче в Контрольную комиссию (КК). Так в докладе направленном в Контрольную Комиссию ЦК КПТ от 25 февраля 1922 года разъяснялось положение дел в данном Комиссариате [AAP RUz., ф.2, оп.1, д.78, р.3].

Хотя притеснение кадров из представителей коренного населения в данном комиссариате наблюдались уже с первых дней установления советской власти (на что указывает и вышеуказанная статистика), но только к 6 января 1920 года издается постановление Туркбюро и Райкома РКП, на основании которого, назначается сначала особо уполномоченный Турккомиссии по реорганизации народной связи, а затем и Наркомпочтеля Туркестанской Республики. Как становится известно из доклада, представитель Турккомиссии застал ещё и полнейшую деморализацию среди руководящих работников этого ведомства. «Кроме всех этих вопиющих ненормальностей и безобразий, приходится убедиться в том, что в штате почтово-телеграфного ведомства, состоявшем из пяти тысяч работников, почти отсутствуют туземцы. Органы почтово-телеграфного ведомства, обслуживаемые исключительно русскими чиновниками, были совершенно чужды местному мусульманскому населению»[AAP RUz., ф.2, оп.1, д.78, р.3].

Хоть к 1922 году в Туркестане уже имелось до 700 вполне обученных, вполне годных для самостоятельной работы так

называемых «мусспециалистов» (из представителей коренных народов – Б.М.). Но со стороны Туркестанского профсоюза Народной связи проводилась, - «политика противодействия и травли мусульман. Всё чаще и чаще устанавливаются случаи, когда мусработники, попадая в чуждую и враждебную им среду, вынуждены бросить работу»[ААР RUz., ф.2, оп.1, d.78, p.3об.].

Не было ни одного работника из коренных народов ни в составе Ташкентской профсоюзной организации[ААР RUz., ф.60, оп.1, d.316, p.9.], ни в профсоюзе Центрального Комиссариата Народной Связи[ААР RUz., ф.2, оп.1, d.78, p.4.]. Даже к марту 1924 года положение с коренными кадрами в сфере учреждений почт и телеграф оставалось плачевным[Irgaev B., 2017, – P.88.].

Как докладывал Народный комиссар Почт и Телеграфов ТАССР и Уполномоченный Народного Комиссариата в Туркестане - Карл Розенталь[NAUz, f.R-25, оп.1, d.397, p.107.], верхом пренебрежительного отношения к коренным кадрам в Туркестанском почтово-телеграфном ведомстве, стало то, что даже распоряжения заместителя Народного комиссара Почт и Телеграфов ТАССР и Уполномоченного Народного Комиссариата в Туркестане Икрамова не исполнялись только потому, что он являлся представителем коренных кадров (подчеркнуто нами – Б.М.). Только после вмешательства Мусбюро и Т.Рыскулова лично, вопрос этот был поднят до уровня ТуркЦИКа[ААР RUz., ф.2, оп.1, d.78, p.4.]. А 4 марта 1923 года она была рассмотрена на заседании секретариата ЦК КПТ, под председательством – Н.Тюракулова. На котором Постановили: 1. Создать Комиссию из представителей Туркбюро ВЦСПС, ЦК КПТ и ЦКК для проведения чистки. 2. Дело административный отдела народного комиссариата Почтеля передать в контрольную комиссию[ААР RUz., ф.2, оп.1, d.78, p.1].

Примерно по таким же обвинениям Ферганской областной Чрезвычайной комиссией (ЧК) 25 мая 1920 года было возбуждено

следствие, на основании чего секретно-оперативный отдел Обчека просил отстранить от занимаемых должностей по возможности скорей, служащих Кокандского упродота Овчинникова, члена Коллегии Споевского и Кабакова уличенных в злоупотреблениях по службе по отношению к коренным кадрам[Ferghana Department of AAP RUz., f.1, op.1a, d.155, p.7.].

Если «в 1919 году местные органы советской власти продолжали оставаться слабыми, оторванными от коренного населения» [Saipova K.D., 2011, –P.50], то к V краевому съезду КПТ, которая проходила в Ташкенте с 12 по 18 сентября 1920 года наметились некоторые сдвиги в вопросе национальных кадров, хотя из 155 делегатов этого съезда, только треть являлась представителями коренных народов[AAP RUz., ф. 60, op. 1, d.505, p. 14-16; d.4408, p.4.].

В 1920 году было принято письмо из ЦК РКП инструктировавшее местную коммунистическую партию «об очистке рядов Туркестанских коммунистов от подверженных колониальному настроению и великорусскому национализму» и открывавшее двери партии джадидским группам, как младобухарцы и младохивинцы [Oliker O., 2008. - P.11.]. А на X съезде РКП(б) в марте 1921 года было принято постановление о «расширении национального представительства в органах власти и управления» [*New history of Uzbekistan.*, 2000. – P.167.].

Но количество коренных кадров в структурах государственной власти всё ещё оставалось низким. Так, например Туркестанская чрезвычайная комиссия (Турчека) в своем письме от 1921 года в Наркомнац, указывало на невозможность откомандирования Мухтарова Сафара ввиду отсутствия других мусульманских работников[NAUz, ф.36, op.1, d.54, p.6]. К 1922 году в Сырдарьинском отделе из представителей коренных народов работали только Рустамов, Динилисбаев и Оранбаев, а в

Ташкентском Алиф-Баев, Шахабдурасулов, Избасаров, Насредтин-Ходжаев и Мирзарахматов[ААР RUz., ф.2, оп.1, d.49, p.64.]. А причиной не эффективной работы среди «туземного населения» Наманганского угоркома, в результате проверки в июле 1922 года, указывалось отсутствие мусработников[ААР RUz., ф.2, оп.1, d.49, p.12об.].

К 1923 году привлечения кадров из коренного населения становится актуальным, что хронологически относится к третьему условному этапу кадровой политики большевиков по отношению к коренным народам, (возможно ввиду наметившегося национального размежевания – Б.М.) и в политический обиход края внедряется термин «коренизация». Политические цели политики коренизации были определены на XII съезде партии в 1923 году, на котором широко обсуждались национальные проблемы. Поставленная на съезде задача фактического выравнивания уровней развития народов и устранение их хозяйственного, культурного и политического неравенства потребовала «создания дешевого и действительно нового, действительно социалистического аппарата»[Kaziev S.Sh., - 2015. – P.30.].

В том же году выходит Постановление ТуркЦИКа за №430 «Об уплотнении гос[ударственных]учреждений местным коренным населением» и создании специальных Областных комиссий. Наряду с этим было решено о проведении мероприятий по учету кадров из коренного населения. Так в служебном письме председателю Ферганского Облревкома указывалось, что «в целях сближения советского аппарата с массами коренного населения перед Орготделом ТуркЦИКа встал вопрос об учете работников из коренного населения, могущих быть использованными для работы в ТуркЦИКе»[FRSA, f.121, op.2, d.20, p.1.].

Вместе с письмом препровождался анкетный лист, который нужно было заполнить индивидуально на каждого из коренных

работников, которых можно было бы отозвать для работы в ТуркЦИК. При чем в пункте 15 анкеты необходимо было характеризовать рекомендуемых главным образом со следующих сторон: 1) знания и опыта в работе; 2) степени инициативы и руководства в работе; 3) организационных и административных способностей; 4) в какой мере справляется с порученной ему работой и степени соответствия на занимаемой должности; 5) обладании специальностью и степени применения её в работе; 6) целесообразности использования на занимаемом посту; 7) на какой работе целесообразнее можно было бы использовать; 8) других сторон его работоспособности. Заполненные анкеты нужно было представить Орготделу ТуркЦИКа[FRSA, f.121, op.2, d.12, p.27].

Письмо такого же содержания было направлено по линии Обкомов. Для проведения учета кадров коренного населения Туркестана по всем Наркоматам и центральным учреждениям были выделены специально отведенные лица. Приступая к возложенным обязанностям, было предложено при учете ответственных работников из коренных кадров принять к руководству следующие моменты: 1. Работу по учету начать с кишлака и аула. 2. Учесть как партийных, так и беспартийных грамотных работников мусульман. 3. Членов Советов и Исполкомов не учитывать, так как они учитывались по линии ТуркЦИКа. 4. Так же по линии ТуркЦИКа учитывались выборные коренные работники в Советы и Исполкомы, а также назначаемые в Ревкомы, вплоть до грамотного, могущего быть выдвинутым на те или иные посты[FRSA, f.121, op.2, d.12, p.p.36-37.].

Рассылая таким образом подробные инструкции по учету коренных кадров, предлагалось вести подготовительную работу в этом направлении согласовав свои действия с Обкомом и после получения всех форм, немедленно приступить к осуществлению учета[FRSA, f.121, op.2, d.12, p.37об.].

В дополнение со стороны ЦК КПТ 13 октября 1923 года было направлено письмо, в котором ЦК КПТ просило внести в дополнение к розданным инструкциям следующее: «Учету подлежат 1. Все работники без исключения из коренного населения. 2. ... 3. Все работники из европейцев, владеющих местными языками». А также «и остальные работники европейского населения, знающих местные языки»[FRSA, f.121, op.2, d.12, p.42.].

В 1923 году выходит и декрет ТуркЦИКа №130 «О переводе делопроизводства на местные языки» для чего создаётся Центральная комиссия[Norjigitova N., 2009. – P.84.]. О важности данного декрета говорит и внушительный состав её членов. Председателем Комиссии был избран Нарком внутренних дел (с 01.11.1922г.) - Аралбаев[NAUz, f.R-17, op.2, d.82, p.1.; FRSA, f.121, op.2, d.531, p. 14-33.], со 2 февраля 1924 года данную комиссию согласно постановления ТуркЦИКа переименовывают в «Комиссию по уплотнению учреждений местными работниками и переводу делопроизводства на местные языки» [Irzaev B., 2017. – P.85], возглавляет комиссию председатель СНК ТАССР (с 09.01.1924) - Исламов[NAUz, f.R-17, op.2, d.82, p.p.40-41], а также в качестве членов комиссии Шебалдаев от ЦК КПТ, Алимов от ЦК КСМТ (коммунистический союз молодежи Туркестана), Худайкулов от ЦК Союза Кошчи, Ударов от Туркестанского бюро ВЦСПС, Панафиндин от Народного комиссарита Труда, Бисеров от Народного комиссариата РКИ и Аралбаев от НКВД[NAUz, f.R-17, op.2, d.82, p.41].

О низком удельном весе кадров из коренных народов говорят и данные переписи тех лет, в КПТ насчитывалось русских - 42,5%, киргизов (казахов) - 23,3%, таджиков -12,2 %, узбеков - 10%, туркмен - 1 %, прочих - 21%. В итоге с 1923 года на основании декрета №130 ТуркЦИКа начинается коренизация государственных аппаратов. В том же году 15 августа при СНК Туркестана была

организована постоянная комиссия по коренизации [AAP RUz., ф.58, оп.4, d.592, p.68].

Назначенный в октябре 1922 года председателем ЦИК Туркестана И.Хидиралиев видя положение дел в кадровой сфере по отношению к коренным народам края, направляет письму председателю ВЦИКа РСФСР с предложением о введении в различные Народные Комиссариаты Туркестана и их отделы, представителей коренного населения в количестве 814 человек, а также подготовить 100 работников для государственных учреждений края. Но данное предложение не находит своего отклика [Irgaev B., 2017, –Р.84].

Так к 1922 году в 28 учреждениях органов власти Туркестана из 4046 работников 3780 (93,6%) были европейцами, и только 257 (6,4%) – из коренных национальностей. Из этих 4046 сотрудников русским и узбекским языками владели только 8,1%, только узбекским – 0,6% и только русским – 91,3%. А в учреждениях по роду своей деятельности являвшихся тесно связанными с местным населением, состав сотрудников в основном состоял из европейцев. Например, в Совете народных комиссаров Туркестан их было 92,9%, в Наркомздраве – 92,8%, Наркомтруде – 94,1%, Наркомсобесе – 87,5%, Наркомпросе – 75%, ЦК КПТ – 88,5%, ЦК Комсомола – 75% [Makhkamova N.R., 2009, - P.109.]. Даже в составе Комиссии из 50 человек, созданной в этом же году, для экономического объединения Туркестана, Бухары и Хорезма, не было ни одного представителя коренного населения края [Haydarov I., 2008. –Р.72.].

В результате этой политики в Туркестане даже к маю 1924 года из 969 ответственных партийных, советских и других работников только 343 являлись представителями коренных народов. К этому времени центральные советские учреждения Туркесреспублики были укомплектованы кадрами из коренных

народов только на 20,4%, а центральные хозяйственные учреждения – на 23,9%[AAP RUz., ф.60, оп.1, d.3788, р.р.22-23.], что, конечно же было положительным результатом по сравнению с предыдущими годами но в то же время относительно всего населения Туркестана являлось очень низким показателем привлечения представителей коренных кадров в систему управления республики.

Среди 138 членов областных исполкомов (не считая Семиреченскую область) было 40 узбеков, 26 русских, 25 киргизов (казахов), 17 туркмен, 9 таджиков и 7 каракалпаков, 14 остальные народы[Ayrieva N.A., 1973, -P.16-23.].

К 1924 году в КПТ насчитывалось 24166 членов и кандидатов партии, из которых - 14896 являлись представителями коренного населения, из них рабочих - 8118, дехкан - 10918, батраков - 3667, служащих – 1463[AAP RUz., ф.60, оп.1, d.4408, р.4.]. А количество служащих государственных учреждениях Туркестана всё ещё оставалось на низком уровне [Mirzajanov B.T., 2018, - P.141-143.].

По сведениям, данным С.Шодмоновой всего к 1924 году 83% всех служащих государственных учреждений составляли не коренные народы Туркестана и только 17% являлись представителями местных народов[Shodmonova S., 2008, – P.53.]. А в составе центральных органов - ЦИК Туркестана и областных исполкомов было 323 работника, из них 92 узбека, 68 казахов и киргизов, 17 таджиков, 32 туркмена и 114 европейцев[Komsomol of Uzbekistan, 1978, - P.60.].

Но в целом даже в таких сложных условиях за исследуемый период выдвинулась целая плеяда национальных кадров из числа коренных народов Туркестана сыгравших важную роль в управлении краем. Так, с 1918 по 1924 годы Турар Рыскулов работал в должностях председателя Краевого Мусбюро, председателя ЦИКа Туркестанской АССР и Совнаркома

Туркестанской республики; Н.Тюракулов (1892-1937) был председателем ЦИКа Туркестанской АССР и ответственным секретарем ЦК Компартии Туркестана[Nazir Torekulov. *Archiv materialls.*, 2017]; А.Рахимбаев (1896-1928) занимал должности председателя ЦИКа Туркестанской АССР, ответственного секретаря, затем второго секретаря ЦК КП Туркестана, ответственного секретаря, затем второго секретаря ЦК КП Туркестана, первого секретаря ЦК Бухарской Компартии; С.Юсупов - первый полномочный представитель Туркестана при ВЦИКе РСФСР, в 1918-1919 член ВЦИКа и ТуркЦИКа, Турккомиссии[Akramov A., 1987, - P.57]; К.С.Атабаев – заместитель председателя ЦИКа и председателя Совнаркома Туркестанской АССР; И.Хидиралиев (1891-1928); Ф.Ходжаев (1896-1938). Также ответственные руководящие посты занимали Н.Айтаков, Х.Сахатмурадов, Р.Исламов, Т.Уразбаев, А.Икрамов, А.Мухитдинов, А.Мавлянбеков, Т.Шарофутдинов и многие другие[Keldiev I., 1996, - P.37.].

Заключая можно сделать вывод, что хронологическое разделение на три периода, генезиса кадровой политики советской власти по отношению к коренным народам дало более четкие представления о положении коренного народа и его участии в кадровых процессах советского Туркестана. В своей кадровой политике по отношению к коренным народам совершили две главные ошибки:

1. Коренные народы были отстранены от государственного строительства и управления.

2. В подборе кадров не учитывались ни профессиональные навыки и ни подготовленность кадров[Rajabov Q., Naydarov M., 2002, – P. 58.].

Впоследствии весь состав кадров из коренного населения, принимавший активное участие в дореволюционных политических

процессах, был снят с руководящих должностей в правительстве, образовании и искусстве. На смену им пришли, более тесно отождествлявшие себя с большевистской партией или Коммунистической партией. Это было сделано посредством нового политического класса коммунистов из числа коренных народов, созданных через новый механизм социализации, которые являлись продуктом советских институтов [Khalid Adeeb, 2007, - P.152.].

ЗаклЮчить уместно словами Ли Сянчжуна, что «несмотря на реализацию политики «коренизации» в Средней Азии, местные народы по-прежнему оставались в меньшинстве, а русские преобладали, и такое положение вещей серьёзно не менялось и в последующие годы» [Lee Syanchjun, 2014, – P.43.].

¹ Рыскулов Т.Р. – зам.наркома по делам национальностей (1921-1922), председатель СНК ТуркАССР (1922-1924), зампред СНК РФ (1926-1937).

² Только к 1923 году количество служащих узбеков по Народному комиссариату Связи составило по республике – 28 человек.

ЛИТЕРАТУРА

- Abdullaev R. (2014).** {Abdullayev R. Natsionalnie politicheskie organizatsii Turkestana v 1917-1918 godi.} (National political organizations of Turkestan in the years 1917-1918.) - Tashkent: Navruz, 2014.
- Agzamkhodjaev Saidakbar (2006).** History of Turkestan Autonomy. {Agzamkhodjaev S. Istoriya Turkestanskoy autonomii.} (History of Turkestan Autonomy.) - Tashkent: Toshkent Islom universiteti, 2006. - 268 p.
- Ayrieva N.A. (1973).** XII party Congress and preparation party and Soviet cadres in the TASSR (for the 50th anniversary XII the Congress RCP(b) // ONU №04, 1973, {Ayrieva N.A. XII s'ezd partii I podgotovka partiyno-sovetskikh kadrov v TASSR (k 50-letiyu XII s'ezda RKP(b))}.
- Ayrieva N.A. (1973).** Activity of the Communist Party of Turkestan for the preparation of party and Soviet cadres (1918-1924) author's abstract of the dissertation of the candidate of historical Sciences. - Tashkent, 1973. {Ayrieva N.A. Deyatel'nost' Kompartii Turkestana po podgotovke partiynix I sovetskix kadrov (1918-1924gg.) Avtoref.dissert. - Tashkent, 1973.}
- Akramov A. (1987).** Political representative of the Republic. - T.: Uzbekistan, 1987. {Akramov A. Polpred respubliki. - T.: Uzbekistan, 1987.}
- Allworth, Edward (2016).** Russia: a breakthrough to the East. Political interests in Central Asia. {Allworth Edward. Proriv na Vostok. Politicheskie interesi v Sredney Azii.} – Moscow: ZAO Centrpoligraf, 2016.
- Archive of the Administration of the President of the Republic of Uzbekistan. (AAP RUz.):** f.2, op.1, d. 49, l. 1 11, 12o6., 16, 64.; d. 78, l. 1,3,3 vol.,4.; f.58, op.4, C. 592, L. 68.; f. 60, op.1,

D. 59, l. 24.; D. 200, sh. 2-11.; D. 310, L. L. 1-5.; D. 316, L. L. 7, 9, 11, 13, 15, 17, 19, 25, 34.; D. 505, l 14-16; D. 4408, L. 4.; D. 3788, L. L. 22-23.; D. 4408, L. 4.; op.3, d. 159, l. 73.; f.499, op.1, d. 363, n. 1.

Davlatova Sh. (2016). The role of the national issue in the formation and development of the management structure in Uzbekistan (20-ies of the XX century). – Toshkent: Navro'z, 2016. { Ўзбекистонда бошқарув структурасининг шаклланиши ва тараққиётида миллий масаланинг тугган ўрни (XX ASR) 20-йиллари). }

Ermetov, Avaz (2009). From the history of the establishment of internal affairs bodies in Fergana region (1917-1925) / history of Fergana Valley in new research / Republican practical conference – Fergana, 2009.

Fergana regional state archive (FRSA): f. 121, op. 1, d. 14, l. 63; op. 2, d. 12, l. 27, 36-37ob.; op. 2, d. 20, l. 1-3ob.; d. 147, l. 5-8.; d. 156, l. d. 1-8.; D. 280, L. L. 6-38.; D. 526, L. L. 4-27.; D. 533, L. L. 49-178.; D. 528, L. L. 38-52.; D. 529, L. L. 1-8.; D. 528, L. L. 38-52.; D. 529, L. L. 1-8.; D. 531, L. L. 14-33.

Ferghana Department of AAP RUz., f. 1, op. 1A, d. 83, l. 4. ;d. 97, l. 2.; , d. 98, ll. 6, 35.; d. 155, l. 7.

Golovanov A. (1991). Boomerang. // Zvezda Vostoka. No. 4, 1991.

Haydarov I. (2008). Activity of economic councils in Uzbekistan (1917-1934). – T.: «Abu matbuot-Konsalt», 2008.

Haydarov M. (1998). The policy pursued by Soviet power during the TASSR: history and reality. / From the history of relations in Uzbekistan. - Tashkent: University, 1998.

History of Uzbekistan (1917-1991), (2019). The first book (1917-1939 years). - T.: Uzbekistan, 2019.

- Inoyatov H. (1984).** The Peoples of Central Asia in the Struggle against the Interventionists and the Internal Counter-revolution - Moscow: Misl, 1984.
- Irzaev B. (2017).** Implementation of the thaw campaign in Turkistan. / Political campaigns in Uzbekistan in Soviet times and their tragic consequences. - Tashkent, 2017.
- History of Communist organizations in Central Asia, (1967).** Tashkent: Uzbekistan Publ., 1967. {Istoriya kommunisticheskix organizatsiy Sredney Azii.}
- Karasar A.H. (2002).** National identity and regional integration in Central Asia: Turkestan reunion. Dissertation for the degree of PhD in International relations. IESS Bilkent univ. – Ankara, 2002.
- Kaziev S. (2015).** Roots and problems of interethnic relations in the Soviet Union). Kazakhstan (1923-1936) // Omsk scientific Bulletin. №2 (136). - 2015. { Korenizatsii i problemi mejetnicheskix otnosheniy V sovetskom Kazakhstane (1923-1936 gg.)}
- Karimov R. (1974).** Musbyuro and its role in spreading the ideas of Marxism-Leninism in the Soviet Turkestan.// ONU No. 07, 1974. {Karimov R. Musbyuro I ego role v rasprostranении idei Marxisma-Leninisma v sovetskom Turkeстане. // ONU No. 07, 1974.}
- Keldiev I. (1996).** Historical experience of solving the problem of managerial personnel in the conditions of Central Asia in the early years of Soviet power (Based on materials of the Turkestan ASSR, Bukhara and Khorezm PSR. (1917-1924)). Abstract of the dissertation of the Candidate of Historical Sciences. - Dushanbe, 1996.

- Khalid Adeeb (1966).** Tashkent 1917: Muslim Politics in Revolutionary Turkestan.// Slavic Review. Cambridge University Press. Vol.55, No.2. (Summer 1966).
- Khalid Adeeb (2007).** The Fascination of Revolution: Central Asian Intellectuals, 1917-1927.// In Empire, Islam, and Politics in Central Eurasia. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2007.
- Komsomol of Uzbekistan (essays from the history of Komsomol Uzbekistan), (1978).** - T.: Yesh Gvardiya, 1978. {Komsomol of Uzbekistan (essays from the history of the Komsomol of Uzbekistan). - T.: Yosh Gvardiya, 1978.}
- Kosanov B.A. (1994).** "The Bolsheviks in Turkestan. 1917-1922 Doctrine and reality". Author's abstract. Diss. doctor of historical Sciences. - Moscow, 1994.
- Qosimov Y., Hakimov T. (1993).** National-democratic movements and jadidism in Uzbekistan. - Namangan, 1993.
- Li Xiangzhong. (2014).** Pros and cons of the policy "korenization" of the USSR in the 1920s. // Ecumene. 2014. № 1. {Lee Syanchjun. Plyusi I minus politiki "korenizatsii" V 1920-e godi of the USSR.}
- Makhkamova N.R. (2009).** The social structure of society on the territory of Uzbekistan: tradition and transformation (the end of XIX century – the 30-ies of XX century). - Tashkent: «Aloqachi», 2009. {Makhkamova N.R Sotsialnaya structure obtshestva na territory Uzbekistan: Traditsii I transformatsii (kones XIX v. – 30-e godi XX v.)}
- Mirzadjanov B.T. (2018).** Intolerance towards the indigenous population of Turkestan in the Soviet period / Tolerance – as a tool for the development of mutual trust measures Materials of the international conference. - Tashkent, 2018.

- Mirzadjanov B.T. (2010).** Personnel policy of Center in Turkestan) / National relations and tolerance in Uzbekistan: historical experience and present times. - Tashkent, 2010.
- Muminov H.M. (2015).** Reflection of the issue of Turkestan autonomy in the congresses of the Soviets of the Turkestan ASSR. / In new research on Fergana Valley history. - Andijan, 2015.
- Muminova G. (2015).** History of the health care system in Uzbekistan: achievements and problems (1917-1991 years). - Tashkent: "New Edition", 2015.
- Norjigitova N. (2009).** Structural composition of national political elite in Uzbekistan (1920s). / Social network life of other peoples Central Asia in the first one quarters XX centuries: traditions and innovation. Checkmate.it.Conf.2008. – Tashkent, 2009.
- New history of Uzbekistan (2000).** The second book. During the Soviet colonization of Uzbekistan. - Tashkent: East, 2000.
- Mustafa, Şakay (2014).** The Taliq jinag of the linen. - Almaty: Dayk-Press, 2014.
- National archive of Uzbekistan (NAUz),** f.R-17, op.2, d.82, l.l. 1, 39, 40-41.; f.R-25, op.1, d.6, l.l.; d.254, l.157about.; d.397, l.107.; f.36, op.1, d.54, l.l.6, 16.; d.151, l.l.15-15about.
- Nazir, Torekulov (2017).** Archiv materialls. Nazir Turekulov: collection of archival documents and materials. - Shymkent: Asiat, 2017.}
- Oliker Olga (2008).** Soft Power, Hard Power, and Counterinsurgency./ The Early Soviet Experience in Central Asia and its implications. Rand. National Research Institute. WR-547-RC. February 2008.
- Rajabov Q., Haydarov M. (2002).** History of Turkestan (1917-1924 years). - Tashkent: University, 2002.
- Rajabov Q.K. (2019).** Activity of the Fergana political elite in the management of the state and society in the years of Soviet

power. / In new research on Fergana Valley history. - Fergana, 2019.}

Ryskulov, Turar. (1925, 1984). The Revolution and the indigenous population of Turkestan. - Tashkent: Uzbek State Publishing House, 1925; His. Selected works. - Alma Ata: Kazakhstan, 1984.

Saipova K.D. (2011). History of the People's Commissariat for National Affairs of the Turkestan ASSR (1918-1924). Dissertation of the Candidate of Historical Sciences. - Tashkent, 2011.

Salamov Sh.N. (2015). Turkestan and the South Caucasus of the XIX-XX centuries. Dashnaks from Ferghana to Karabakh. - T.: Yangi asr avlodi, 2015.

Secrets of national policy of the Central Committee of the RCP (1992). Reproduced from the text of the 1st edition (The fourth meeting of the Central Committee of the RCP with the responsible employees of the national republics and regions in Moscow on June 9-12, 1923. Bureau of the Secretariat of the Central Committee of the RCP.) - Moscow: INSAN, 1992.

Ustinov V.M. (1988). Deputy Chairman Council of people's Commissars of the Russian Federation. Alma-Ata: Kazakhstan, 1988. {Zampred Sovnarkoma Rossiyskoy Federatsii. }

Shodmonova S. (2008). Issues of struggle against Soviet colonialism in German and Turkish historiography (1917-1924 years). - Tashkent: Abu matbuot-Konsalt, 2008.

The policy of the despotic regime to rob the national wealth of Uzbekistan: history and lessons (1865-1990 years) (2000). - T.: East, 2000.}

Ziyamov Sh.S., Nurullin R.A. (1988). Turar Ryskulov / / Social Sciences in Uzbekistan (ONU). №10, 1988.

Received 30 May 2020, Screened 10 Oct 2020, Accepted 25 Nov 2020.

